

УДК 37.014(91)“19”

**ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ, ТЕНДЕНЦИИ
И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ
РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЭПОХИ
АЛЕКСАНДРА I**

В.М. Лобзаров, Ю.А. Корпусова

Тверской государственной университет

Рассмотрены факторы, тенденции и противоречия эволюции концептуальных основ российского дворянского образования первой четверти XIX в. Проанализированы ценностные приоритеты элитарного образования. Охарактеризована роль государства и общества в определении мировоззренческой основы содержания привилегированного дворянского образования.

***Ключевые слова:** факторы и тенденции эволюции концептуальных основ российского дворянского образования; ценностные приоритеты дворянского элитарного образования; мировоззренческая основа содержания привилегированного дворянского образования.*

В последние десятилетия XVIII – начале XIX в. Россия вступила в стадию образовательных реформ, которые по своим масштабам в определенной степени не уступали петровским преобразованиям. Эти реформы отличались от реформ Петра I в сфере образования гуманистичностью своего замысла и имели особый скрытый смысл, не лежащий на поверхности и диктуемый высшими стратегическими замыслами реформаторов, скрытых от поверхностного наблюдателя. Так, если главной и, по сути, всеми понимаемой целью этих реформ было формирование просвещенного российского чиновничества, то в качестве их скрытой цели выступало стремление сформировать духовно-интеллектуальную элиту социума, способную стать опорой монархической власти в глобальном реформировании общества. Александр I в своих высказываниях допускал возможность осуществления отмены крепостного права, утверждения конституционной формы правления и даже отказа от монархии и перехода к республике. Необходимым условием реализации данных замыслов являлось реформирование всей системы российского образования. Следствием этого должно было явиться формирование поколения российских реформаторов, способных сохранить и поддерживать роль государства как лидера радикальных либеральных реформ и готовых принципиально изменить ценностные приоритеты и образ жизни всех слоев российского общества. Современный историк отечественного образования Е.А. Князев говорит о том, что

Александр I, вслед за своим учителем Лагарпом, считал, что «лишь одна потенциальная общественная сила способна стать проводником социокультурных и политических преобразований – просвещенная молодежь... Александр I решил прибегнуть к реформированию государства и общества, дабы избежать революционного взрыва. Тривиальное сходство революции и реформы в том, что их способны совершить молодые. Однако если революции совершает обычная молодежь, то реформы способна провести лишь просвещенная» [2, с. 51].

Необходимо признать, что реализация этих замыслов сталкивалась с целым рядом противоречий, которые оказались в данных социально-политических условиях неразрешенными и в конечном итоге привели к тому, что к середине своего царствования замысел реформ утратил для Александра I свою актуальность, а в его политике вполне рельефно обозначились признаки явного, хотя, возможно, и вынужденного консерватизма. В первую очередь это противоречия следующего характера:

- между необходимостью буржуазно-демократических преобразований, которые в Западной Европе всегда были связаны с развитием буржуазных отношений и существованием определенных и хорошо осознаваемых интересов буржуазии, и абсолютной недостаточностью развития этих отношений в феодальной России, что вполне закономерно в данный исторический период приводило к существованию сравнительно слабой и несформировавшейся в экономическом и политическом плане буржуазии;
- между ориентацией значительной части дворянской молодежи эпохи Александра I на немедленные либеральные реформы в России и отсутствием поддержки их стремлений со стороны доминирующей части российского дворянства. Это особенно характерно для старшего поколения – «поколения отцов», воспитанного в духе консервативных социально-политических убеждений и, используя современную терминологию, вполне адаптированных к системе экономических и политических отношений, существовавших в России исследуемого периода. Естественным разрешением этого противоречия вполне закономерно могла явиться широкомасштабная гражданская война с трагическими последствиями, крайне непредсказуемыми для последующей судьбы России;
- между острой потребностью применения европейской модели социального, политического, экономического развития при определении путей реформирования российского общества и невозможностью использования многих сторон этой модели в условиях, когда характер экономических отношений, социально-политических

традиций и исторического опыта всех слоев общества во многом принципиально отличался от европейских;

- между масштабностью замыслов реформ и возможностью их осуществления только под прессом государственной политики, проводимой императором и его ближайшим и сравнительно малочисленным либеральным окружением, над которым постоянно нависала угроза заговоров и государственных переворотов, отражающих консервативные настроения доминирующей части российского дворянства.

Необходимо отметить, что ни Екатерина II, ни Александр I не были людьми, поверхностно копирующими опыт Запада в России. Ими вполне рельефно был определен целый ряд объективных факторов, настоятельно требующих радикальных общественно-государственных реформ для России. Попытаемся проанализировать некоторые из них.

По традиции, сложившейся в исторической науке, остановимся в первую очередь на факторах экономического характера.

Сохранение в России крепостного права гарантировало социальную стабильность традиционного образа жизни помещного дворянства, а также материальную обеспеченность всего российского дворянского сословия, связавшего свою жизнь с государственной службой. Однако опыт экономического развития ведущих стран мира указывал на то, что России в реальной исторической перспективе предстояло встать на путь интенсивного капиталистического развития. Этот путь не являлся для России чем-то принципиально далеким и чуждым, так как одна из самых мощных и, по сути дела, революционных попыток в утверждении капитализма была предпринята Петром I. Все российские монархи, включая Екатерину II и Александра I, всегда в той или иной степени осознавали себя продолжателями дела своего великого предшественника. Дальнейшее развитие промышленности, расширение внутреннего товарного рынка, нарастание масштабов внешней торговли исследуемого периода настоятельно требовали социально-экономических реформ, и, прежде всего ликвидации личной крепостной зависимости крестьянства. Своеобразная парадоксальность государственной политики последней трети XVIII – начала XIX в. заключалась в том, что возможная отмена крепостного права существовала в России лишь как отдаленная и осознаваемая узким слоем прогрессивной дворянской интеллигенции историческая перспектива. Так, С.Ф. Платонов отмечает, что «Екатерина, воспитавшаяся на освободительных теориях XVIII в., не могла сочувствовать крепостному праву и мечтала об освобождении крестьян. В её личных бумагах находили любопытные проекты постепенного уничтожения крепостной зависимости путем освобождения крестьян в отдельных имениях при их купле-продаже.

Однако общее одновременное освобождение крепостных её пугало, и она искренно была убеждена что «не должно вдруг и через узаконение общее делать великаго числа освобожденных». Но в то же время она искренно желала облегчить положение «рабов», т. е. крестьян, и уничтожить «рабство» в своей империи». [4, с. 617]. Любая попытка отмены крепостного права грозила, в условиях современной реальности, самыми тяжелыми последствиями, в том числе и экономического характера. В России этого исторического периода практически отсутствовал экономически сложившийся и осознающий свои экономические, политические, мировоззренческие и культурные интересы класс буржуазии. Для развития российского капитализма требовались широкомасштабные государственные капиталовложения и организационные усилия. Любая попытка феодального государства форсировать развитие промышленности и торговли неизбежно должна была повлечь за собой ужесточение налоговой политики, ухудшение условий жизни и без того наиболее угнетенных слоев общества. Неизбежное усиление протеста социальных низов должно было ужесточить репрессивную политику государства в целях насильственного поддержания социально-политической стабильности в обществе. Последствия данного процесса не могли подлежать сколько-нибудь точному прогнозированию. Это пугало правящие круги общества угрозой новой российской «пугачевщины» со всеми присущими ей деструктивными последствиями. Характерно, что даже представители дворянской оппозиции, оказавшиеся в декабре 1825 г. на Сенатской площади, в экономическом отношении не представляли собой помещиков нового типа. Их протест против крепостного права и общей социально-экономической отсталости России носил скорее философско-мировоззренческий и абстрактно-отвлеченный характер, практически не связанный с какими-либо реальными экономическими интересами развития их родовых помещичьих хозяйств. Представляется обоснованным утверждение о том, что в России рассматриваемого периода не было реальных экономических условий для кардинального реформирования хозяйственной жизни в интересах зарождающегося, но ещё не развившегося капитализма. При этом для Екатерины II, Александра I и части представителей их либерального окружения неизбежность широкомасштабных социально-экономических преобразований, пусть и в неопределенной и весьма отдаленной исторической перспективе, вероятнее всего, представлялась объективно неизбежной и глубоко оправданной интересами реализации могучего человеческого и природного потенциала страны.

Экономические интересы и перспективы развития России предьявляли свои запросы к теоретическому содержанию и ценностным приоритетам элитарного дворянского образования. Характерно, что,

вероятно, как прогрессивное явление в дворянском образовании следует рассматривать то, что его энциклопедическая направленность предполагала овладение, по крайней мере на высшей ступени, фундаментальными знаниями из областей теории и практики государственно-административного управления, управления финансовой деятельностью государства, затрагивала значимые аспекты экономического и административного права, давала определенные естественно-научные знания, связанные с запросами развития промышленности. Ю.М. Лотман говорил о том, что «термин “энциклопедист” в XVII веке отнюдь не покрывался понятием о всесторонне образованном человеке. Энциклопедист – это прежде всего человек, охватывающий своими знаниями все науки в их единстве. Этим он противостоит средневековому ученому, который принципиально отбрасывал от себя практическую сферу: ремесла, технику, промышленность. Одновременно энциклопедист соединяет науку не только с практикой, но и с социологией и политикой... решающая черта энциклопедиста – постоянное стремление не только изучить, но и переделать мир. Энциклопедист убежден, что судьба поставила его свидетелем и участником нового сотворения мира» [3, с. 259].

Тем не менее все эти знания ориентировали личность на административно-чиновничью деятельность и не готовили молодого дворянина к вхождению в процесс предпринимательской деятельности. Характерно, что в данный исторический период у доминирующей части российского дворянства участие в предпринимательской деятельности вызывало глубокое внутреннее отторжение и рассматривалось как занятие, неприемлемое для дворянина. Исключительная ориентированность дворянства на государственную и военную службу в значительной степени препятствовала усилению того, что на современном языке педагогической науки могло быть обозначено как практикоориентированность образования. Необходимость адаптации российского дворянства к исторической перспективе развития буржуазных отношений объективно предполагала кардинальное изменение теоретического содержания и ценностных приоритетов образования. Потребность во внесении в элитное образование молодежи из высших слоев общества основ предпринимательской деятельности была в достаточной степени обоснована в педагогической концепции Джона Локка, широко известного в России этого периода. Им утверждалась мысль о воспитании джентльмена, гармонично сочетающего глубокие и фундаментальные теоретические знания, устойчивый интерес к наукам естественно-научного и гуманитарного цикла, изысканность и благородство манер, тонкий художественный вкус, интерес к художественной литературе и искусству, высокий

уровень гражданского сознания и физическое развитие, дающее возможность быть хорошим воином. Следует признать, что эти идеи нашли свое максимальное воплощение в образовательной деятельности лучших элитных учебных заведений исследуемого периода (Царскосельский лицей, Пажеский корпус Его Императорского Величества и др.). Однако, скорее всего из-за сложившегося и доминирующего социального и педагогического предрассудка дворянской среды, система образования не осуществляла целенаправленной подготовки к таким сферам общественно-политической деятельности как торговля и организация предпринимательства. Укоренению данного заблуждения в значительной степени содействовало то, что в силу исключительности положения дворянства практически всех выпускников элитных учебных заведений ожидала достойная карьера на военной и государственной службе. Вследствие этого обстоятельство образование могло носить несколько отвлеченный и избыточно гуманитарный характер, предполагающий реализацию античного идеала гармонично развитой личности. В то же время обществом игнорировалось то обстоятельство, что по мере объективно неизбежного развития буржуазно-общественных отношений в России элитарное образование все более должно было приобретать практическую направленность, ориентацию на органичное вхождение дворянства (и особенно дворянства поместного) в контекст неизбежного развития буржуазных рыночных отношений. Это диктовалось необходимостью адаптации хозяйственной деятельности и организации дворянских имений к запросам экономического рынка страны, подготовке молодых дворян к вхождению в сферы предпринимательства, формирования их готовности к активной общественной, экономической и профессиональной деятельности в условиях нарастания жесткой конкурентной борьбы, обусловленной постепенным развитием капиталистических отношений в России. Следствием этого должна была явиться утрата дворянством исключительного положения в общественной иерархии. Характерно, что, отражая опыт политического союза между буржуазией и дворянством в условиях Англии, Д. Локк рекомендовал объединить лучшие традиции дворянского и буржуазного образования и воспитания. К сожалению, в силу неразвитости буржуазных отношений в России, особой ментальности российского дворянства, убежденного в том, что государственная служба является незыблемой и вечной привилегией, дарованной сословию за заслуги перед отечеством и царем, практикоориентированная направленность, содержащаяся в педагогической концепции Локка, не нашла своего отражения в содержании и ценностных приоритетах элитарного образования. В результате этого реально существующий экономический

фактор, предполагающий модернизацию дворянского образования в соответствии с запросами буржуазного развития российского общества, не привел к созданию системы учебных заведений, органично соединяющих в своей образовательной деятельности лучшие традиции дворянской культуры и педагогики с опытом и ценностными приоритетами европейских бизнес-элит.

К числу социальных факторов, стимулирующих развитие дворянского образования исследуемого периода, представляется необходимым отнести формирование сравнительно широкого слоя дворянской молодежи, обладающей высоким уровнем общей культуры, энциклопедической образованностью, склонностью к социально-философскому концептуальному мышлению и ярко выраженным патриотизмом. Современный историк А.Б. Зубов отмечает: «Из Европы приходят не только философско-романтические, но и революционные, социалистические идеи. Первая половина XIX века – время европейских народных революций. Несправедливости русской общественной жизни, крепостное рабство, униженность и молчание Церкви, произвол абсолютистской монархической власти побуждают многих молодых образованных русских людей обратиться к европейским политическим идеям самого радикального свойства. Вернувшиеся из Европейского похода 1813–1815 годов русские офицеры создают тайные общества, ставящие целью возвращение России на пути гражданского равноправия и политической свободы. Александр I, став умиротворителем Европы, потерпел неудачу у себя дома. Одни из дворян не верили ему, изверившись в царской власти как таковой, другие боялись любых реформ, боясь потерять власть над крепостными рабами. А простой народ вовсе не ведал о реформаторских планах Александра. Царствование Александра завершилось, и вспыхнуло восстание декабристов, обещавших крестьянам волю и землю, а стране – конституцию» [1, с. 59].

В общественном сознании представителей молодого поколения первой четверти XIX в. оказались причудливо перемешанными либеральные идеи западноевропейских философов, острое желание осуществления фундаментального реформирования общественно-политической жизни России, боль за проявления её социально-экономической и политической отсталости. Для многих из них духовная жизнь в области идей и абстрактных понятий оказывалась более значимой, чем личностный карьерный рост, забота о процветании собственного имени и даже благополучие семьи. Значительная часть лучших представителей дворянской молодежи пожертвовала своим благополучием и карьерной успешностью, выйдя на Сенатскую площадь в декабре 1825 г. и приняв участие в государственном мятеже, который при любом варианте развития событий неизбежно должен был

привести его участников и все российское общество к трагическим социальным потрясениям. Мировоззрение многих из этих привилегированных молодых людей представляло собой в значительной степени порождение культуры и образования с доминирующими западноевропейскими ценностными приоритетами. Оно предполагало сложное и противоречивое сочетание идеала христианской жертвенности, сформировавшееся под влиянием традиций церковно-православного воспитания, повышенной потребности в политической самоактуализации, острое осознание своей сословно-дворянской избранности и ответственности за настоящее и будущее России. В определенном смысле дворянская культура и ценностные приоритеты элитарного образования формировали тип личности будущего молодого реформатора России, обладающего «книжными» знаниями, которые, в некотором смысле, были далеки от типичного общественного сознания большинства российского дворянства.

В то же время своеобразным тормозом развития России являлись малограмотность всех слоев населения (кроме дворянства и части духовенства) и почти абсолютная неграмотность крестьянского населения страны. Несмотря на то что правящие круги и государственная власть, начиная с эпохи Екатерины II, декларировали необходимость всеобщего просвещения народа, они оказались абсолютно не готовы к широкомасштабной политике, направленной на качественное изменение культурно-образовательного уровня развития населения страны. Причина этого заключалась не только в необходимости огромных и, возможно, не вполне посильных для государства капиталовложений в сферу народного просвещения, но и в остром осознании угрозы того, что активное просвещение народа разрушит стабильность сословной структуры общества и сможет явиться стимулом для новой российской «пугачевщины». Таким образом, под воздействием процесса социализации в дворянской среде первой четверти XIX в. была сформирована значительная часть элитарного поколения, обреченного на глубокое социально-психологическое и мировоззренческое непонимание со стороны доминирующей части российского дворянства и в достаточно полной мере не нашедшего себя в условиях административно-государственной и военной службы. В то же время вся просвещенная часть российского дворянства исследуемого периода в значительной степени принципиально отличалась по уровню своего образования и уровню культурных запросов от всех слоев российского общества, имевших чрезвычайно низкий образовательный уровень. Вероятнее всего, в том случае если Александр I и его ближайшее либеральное окружение действительно рискнули бы продолжать свою политику по

радикальному реформированию российской государственно-политической и экономической жизни, это могло привести, с одной стороны, к гражданской войне между сравнительно слабой либеральной составляющей дворянского общества и доминирующим большинством традиционно настроенных российских дворян, убежденных в незыблемости крепостного права и абсолютной монархии в России, с другой – к пробуждению социальной агрессии народных масс, направленной против дворянского сословия. Причиной этого должно было явиться не только исторически сформировавшееся социальное озлобление против самого привилегированного сословия общества, но и столкновение альтернативных культур, т. к. российское дворянство в силу своих духовно-ценностных и жизненных установок воспринималось большинством населения России как нечто инородное, непонимаемое и даже враждебное массовому общественному сознанию народных слоев общества.

Политическим фактором, стимулирующим развитие дворянского образования исследуемого периода, являлось то, что государство в целом вполне искренно пыталось играть роль духовно-интеллектуального и культурного лидера общества. Тем не менее государственная власть с каждым десятилетием все более теряла контроль над умами и сталкивалась с угрожающе нарастающей политической оппозицией со стороны значительной части просвещенной дворянской молодежи. Следствием этого явилось угасание либеральных тенденций в отечественном дворянском образовании и нарастание жесткого политического, административного и мировоззренческого контроля над деятельностью школы.

В качестве особо значимого фактора, предопределившего ценностные приоритеты российского дворянского образования исследуемого периода, выступало развитие философской и научной мысли. В это время западноевропейская философия играет одну из определяющих ролей в формировании системы ценностных приоритетов отечественного дворянского образования. В частности, в российском обществе распространены идеи о необходимости ограничения влияния церкви на развитие образования, об отрицании любых форм физического наказания, об особой роли воспитания и образования в духовном прогрессе человечества, о признании личностного права на духовно-мировоззренческое самоопределение и др. Идеалы эпохи западноевропейского возрождения оказывали активное влияние на теоретическое содержание и ценностные приоритеты образования и порождали своеобразный культ философии, музыки, поэзии, театра, который играл особо значимую и активную роль в духовном становлении молодого дворянина. Эпоха западноевропейского просвещения утверждала мысль о познании мира

как высшей цели существования истинно образованного человека, о высоком смысле существования человечества, идущего по пути формирования просвещенной европейской цивилизации. По справедливому замечанию выдающегося исследователя русской культуры Ю.М. Лотмана, «изменились не только средства, но и цели: честолюбец XVIII века был авантюрист, мечтающий о личном выдвигании, честолюбец начала XIX века мечтал о месте на страницах истории» [3, с. 192]. Деятельность Царскосельского лицея пушкинской поры, Пажеского корпуса Его Императорского Величества, Благородного пансиона при Московском университете была в значительной степени предопределена западноевропейскими гуманистическими философскими и педагогическими идеалами. Характерно, что философские идеи, в их определяющем влиянии на теоретическое содержание и ценностные приоритеты российского образования исследуемого периода, весьма трудно отделить от идей исключительно педагогического характера.

В качестве определяющего принципа российского дворянского образования конца XVIII - начала XIX в. выступает принцип энциклопедизма, предполагающий широту и разносторонность знаний, получаемых в государственных элитарных образовательных учреждениях. Так, в частности, изучение математики, экспериментальной физики, естественных наук сочеталось с глубоким изучением русской словесности, отечественной и западной истории. Традиционной являлась культивация интереса к античности и свободному творчеству в сфере искусства. Особую значимость представляет установка на формирование физически закаленной, оптимистичной и энергичной личности, склонной к активному образу социально-гражданской жизни. Общей установкой отечественного элитарного образования являлось стремление к формированию европейски образованного человека с изящными манерами, глубокой научной эрудицией и готовностью к преданному служению внутригосударственным и международным политическим интересам России.

Характерной чертой религиозного воспитания данного периода, осуществляемого в стенах государственных элитарных образовательных учреждений, является тактичное и бережное отношение к вере, в некоторой степени допускающее философское вольномыслие в вопросах религиозного самоопределения личности. В ряде случаев это приводило к атеизму, но чаще всего увлечение им оказывалось для значительной части российских дворян кратковременным и неглубоким. В целом религиозные представления молодых дворян не являлись препятствием для глубокой и искренней религиозности.

В качестве особых условий дворянского образования в России последней трети XVIII – первой четверти XIX в. выступают отсутствие излишне жестких дисциплинарных требований и стремление подготовить личность к жесткой конкуренции на рынке интеллектуального труда, свойственные образованию последующих десятилетий. Личность учащегося рассматривалась как самоценность, а будущее открывало чрезвычайно благоприятные перспективы для карьерного роста.

Таким образом, в последние десятилетия XVIII – начале XIX в. в отечественном образовании сложились определенные условия для формирования высокообразованной, гуманной и либерально мыслящей личности. Несмотря на то что данный исторический период в развитии российского элитарного образования в силу ряда объективных причин оказался сравнительно кратковременным, он оказал уникальное позитивное воздействие на последующее историческое развитие духовной культуры России. Характерно, что именно в это историческое время сформировались и уже весьма ярко проявили себя такие выдающиеся представители дворянской культуры, как А.С. Пушкин, Ф.Ф. Матюшкин, А.М. Горчаков, В.Д. Вольховский и др. Все это побуждает снова и снова обращаться к осмыслению педагогического опыта этой исторической эпохи, приобретающему особое содержательное значение для развития российского образования начала XXI в.

Список литературы

1. История России. XX век: 1894 – 1939. М.: АСТ, 2009. 1023 с.
2. Князев Е.А. Благословенный Александр I // Вестн. образования России. 2006. № 20. С. 49–54.
3. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2-е изд., доп.. СПб.: Искусство – СПб, 2006. 413 с.
4. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., Высшая школа, 1993. 736 с.

**DETERMINANTS, TRENDS AND CONTRADICTIONS OF THE
EVOLUTION OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE
RUSSIAN NOBILITY EDUCATION ERA OF ALEXANDER I**

V.M. Lobzarov, Yu.A. Korpusova

Tver State University

In this publication examined the factors, trends and controversies of the evolution of the conceptual foundations of the Russian nobility formation of the first quarter of the XIX century. Analyzed the value priorities of elite education. Described the role of the state and society in determining the ideological basis of the content of privileged aristocratic education.

***Keywords:** factors and trends in the evolution of the conceptual foundations of Russian noble education; value priorities aristocratic elite education, ideological basis the content of privileged aristocratic education.*

Об авторах:

ЛОБЗАРОВ Виктор Михайлович – доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33)

КОРПУСОВА Юлия Анатольевна – старший преподаватель кафедры русского языка с методикой начального обучения, ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: korpusovayulya@mail.ru